

Вызовы мирового неравенства и ценностные альтернативы развития человечества

В статье представлены результаты анализа современных вызовов и модификаций проблемы неравенства в мире. Научная новизна выдвинутых подходов определяется аксиологическим контекстом рассмотрения угроз неравенства, соотнесение их с ценностным кризисом человечества. Осуществляется разбор влияния факторов современного технологического развития на обострение проблем неравенства в мире. Рассматривается цивилизационное измерение неравенства, исследуемое через призму анализа состояния общественного дискурса о тупиках развития человечества в рамках сложившейся на настоящее время системы мироустройства. Проводится критика ВВП как универсального измерителя успешности государств. Ставится методологическая задача переосмысления системы оценок успешности развития, преодоления сложившихся установок эконоцентризма.

Ключевые слова: неравенство; ценности; цивилизации; ВВП, счастье, человек, отчуждение, посткапитализм

Проблему неравенства можно отнести к разряду вечных проблем в истории человечества. Однако, в третьем тысячелетии она приобретает особую остроту, ввиду возникающей перспективы превращения неравенства социального в неравенство антропологическое. Теории, ставящие одни группы людей выше других, возникали и прежде, будучи представлены в версиях сословного неравенства, расизма, нацизма. Но только сегодня наука выходит на технологические возможности воздействия на генокод, искусственного усиления интеллекта, изменения биологической природы человека. Реальностью настоящего времени уже является нейропротезирование, создание искусственных органов, клонирование, генетическая диагностика, нейрокомпьютерный интерфейс. Завтра будут, по-видимому, освоены технологии геномной инженерии, сканирования и картирования головного мозга, нейропротезирования. Трансгуманисты видят в этих перспективах великий антропологический прорыв. В ситуации различия ресурсных возможностей при этих технологических перспективах возникнет одна группа человечества — меньшинство — с улучшенной биологической природой и большинство, биологически

В. И. Якунин

обрекаемое на аутсайдерское положение [7; 13; 17; 19; 21].

Неравенство между людьми в рамках отдельных сообществ усугубляется неравенством самих сообществ. Принадлежность к сообществу, наличие гражданства определенного государства оказывается в современном мире преференцией. Покупка гражданства и права иммигрировать является сегодня одной из ниш паразитирования международной коррупции. Установлены таксы на гражданство того, или иного государства и право попасть в квоты для иммиграции. Пишущий об обществе справедливости Гарвардский профессор Майкл Сэндел приводит этот факт среди парадоксов аморализма рыночного мышления [11, с. 9–10, 69–72].

С подачи Сэмюэла Хантингтона вот уже более двадцати лет на уровне экспертов и широкой общественности идет обсуждение перспектив столкновения цивилизаций. Цивилизации в этой логике, находясь к другу в ценностных оппозициях, программируются на столкновения. Различие цивилизационных ценностей определяется, таким образом, в качестве фундаментального основания неизбежных цивилизационных конфликтов [21]. Конфликты действительно существуют, но причины их состоят в ином, вовсе не в том, что люди различны, а в том, что они в рамках существующего устройства неравны. Хантингтоновский концепт уводит в сторону от подлинных причин, подменяя проблемой цивилизационных войн, проблему фактически установленной цивилизационной иерархии. Иммануил Валлерстайн с его методологией дифференциации сообществ по принадлежности к центру, полупериферии и периферии более реалистично описывает современную ситуацию [27; 28; 29; 30; 31]. Соединение мир-системного анализа с теорией цивилизаций содержит, с нашей точки зрения, значительный когнитивный потенциал для осмысления мировых общественных процессов.

Цивилизационный вид неравенства не сводим к неравенству расовому, этническому или социальному. Человек, взятый сам по себе как индивидуум имеет равные права с другими индивидуумами, но как представитель того или иного цивилизационного сообщества он в современных реалиях не равен другим. Позиционирование ценностей одной цивилизационной общности как универсальных, а других — как выражение архаики фактически легитимизируют это неравенство. Понятие «цивилизационное неравенство» отсутствует в категориальном арсенале международного права, что объяснимо более поздним в сравнении с созданием базовых правовых институтов возникновением самой теории цивилизаций. Когда в 1948 году была принята Всеобщая декларация прав человека ООН. А. Дж. Тойнби все еще продолжал работать над своим фундаментальным трудом «Постижение истории», заложившим основы цивилизационного подхода [12]. Но на сегодня уже накоплено достаточных теоретических и эмпирических оснований и для признания существования цивилизаций, и для фиксации проблемы цивилизационного неравенства. Вероятно, следует вести речь о принятии на уровне ООН специальной декларации о цивилизационном равенстве и создании на основе ее особой комиссии, мониторирующей проблемы неравенства людей в связи с принадлежностью к отдельным цивилизациям.

Предоставляемые ранее доклады мониторинга неравенства Организации

Объединенных Наций позволяют квалифицировать предоставляемые материалы как крайне тревожные. Последний из серии таких докладов зафиксировал рост неравенства в доходах среди населения за последнее десятилетие фактически по всем странам мира [5, с. 5]. Однако цивилизационные аспекты неравенства в докладе оказались нивелированы.

В актуальной повестке сегодня стоит вопрос не просто о реализации принципов равенства, но о равенстве в сочетании с сохранением национальной и цивилизационной идентичности человека. Следует признать существование латентного фильтра успешности, осуществляющего отсев не столько по принципам расы, сколько цивилизационной идентичности. Каков может быть в этом отношении желаемый ценностно-целевой ориентир, позволяет методологически определить популярная в политологии «диаграмма Нолана». В ее рамках, как известно, проводится дифференциация идеологий по двум шкалам — экономика и политика, полюсами в которых выступают, соответственно, экономическая свобода и государственное регулирование, демократия и авторитаризм [18]. Для акцентированного анализа поднимаемых нами сегодня вопросов целесообразно в соответствии с нолановской методологией выделить две шкалы: социальные отношения и идентичность. Полюса шкалы социальных отношений выражают принципы «равенства» и «неравенства». Полюса шкалы идентичности — «цивилизационная (национальная) идентификация» и «глобализм (космополитизм)». Современная однополярная модель мироустройства соотносится с полюсами неравенства и глобализма, что нельзя признать приемлемым. Нацистская (фашистская) модель акцентировала национальную идентификацию, но, преломляя ее через неравенство рас и народов, утверждала расизм и человеконенавистничество. Левый проект, связанный генезисно с идеями К. Маркса, был ориентирован на ценностный полюс равенства [2]. Однако при этом фактор цивилизационной идентичности нивелировался и заявлялось об исчезновении национального деления по мере социального прогресса. Соединение равенства и цивилизационной идентичности — это, таким образом, новая, нереализованная до настоящего времени перспектива мироустройства, отсутствовавшая во всех трех классических политических теориях. Но, вероятно, в контексте признаваемого многими экспертами тупика мирового развития и актуализации запроса на выдвижение альтернативного проекта мироустройства, настало время четкой формулировки базовых ориентиров возможной мироустроительной альтернативы.

Существует ли предопределенность в возрастании тренда неравенства? Распространена точка зрения, согласно которой такая предопределенность задается ростом численности мирового населения, который, соответственно, и производит нищету. Условно можно определить этот подход как неомальтузианский. Действительно, в восемнадцатом столетии рост численности мирового населения опережал рост экономики. Но сегодня это совершенно не так. Валовой внутренний продукт растет быстрее роста населения. Следовательно, причины бедности состоят не в нехватке ресурсов, а в существующих распределительных механизмах [22].

Нельзя, вместе с тем, игнорировать изменения демографических типов воспро-

изводства в качестве фактора влияния на показатели неравенства. Современный тип демографического воспроизводства акцентирует возрастные разрывы неравенства. Характерной особенностью этого типа является максимизация продолжительности жизни, приводящая объективно к увеличению трудового стажа и отсрочиванию пенсионного возраста. Это приводит к проблемам трудоустройства среди молодежи, пробуксовке социального лифтинга. Проблема безработицы и прежде достигала в определенные периоды большой остроты, но никогда столь остро не стояла именно проблема молодежной безработицы. В ряде стран безработными оказываются целые возрастные генерации, что помимо прочего продуцирует особый тип субкультуры. Поколения, живущие на пособия или за счет вкладов родителей, — это крайне серьезный вызов в перспективах нравственного состояния человечества. Повсеместная девальвация трудовой этики является одним из наиболее острых симптомов кризиса современной системы мироустройства.

Неравенство охватывает год от года все новые сферы бытия. Появляются в связи с развитием новых технологий и новые формы неравенства. Само технологическое развитие трактуется в качестве проявления социального прогресса. Но можно ли говорить о прогрессе, если собственно отношения между людьми деградируют и разрушается человек? Фраза поэта Андрея Вознесенского о реакционности всех прогрессов при разрушении человечества получает в настоящее время дополнительную актуализацию.

Различия в пищевом потреблении — традиционный, возможно древнейший, признак неравенства. И со времен Древнего мира в неравенстве пищевого рациона мало что изменилось. Энергоемкость среднесуточной пищевой корзины жителя стран западного сообщества в полтора раза выше, чем у жителя стран мировой периферии, как если бы речь шла о разных биологических видах. Особенно индикативными, как прежде, так и теперь, являются различия в потреблении мясной продукции — показатель, с еще большей очевидностью обнаруживающий привилегированное положение человека, принадлежащего к западному сообществу. Средний американец потребляет мяса в год в 31,2 раза (!) больше, чем средний индус [25].

Следующим исторически возникшим проявлением неравенства явилось неравенство в жилищном обеспечении. Дворцы и трущобы — традиционная семантическая оппозиция, выражающая социальное расслоение. И эта оппозиция сегодня только усугубляется. Новый импульс к дворцовому строительству задается в последние несколько десятилетий процессом деурбанизации. С другой стороны — сформировавшие фактически свой контрмир международные армии бездомных. Общее количество лиц без определенного места жительства в мире превышает сегодня 100 миллионов человек. А ведь есть еще феномен трущобной жизни. В жилищах трущобного типа проживало на 2008 год около 1 миллиарда человек в мире, а к 2030 году их численность прогнозно возрастет до 2 миллиардов. Вагонные городки существуют в богатой Северной Америке, где, казалось бы, есть все возможности оказать помощь беднейшей части общества. В Индии около половины, а в Китае — более четверти населения, проживает в квартирах без

канализационного обеспечения. Большинство жилых помещений в странах, находящихся вне пределов западного сообщества, по сей день не газифицировано [8].

Третьим историческим по времени проявлением неравенства является неравенство в медицинском обслуживании и в целом в услугах здравоохранения. Качественная медицина — дорогостоящая и недоступная для большинства. Бесплатная медицина, там, где она есть, ограничивается простейшей стандартной помощью человеку, и не решает сложных задач, требующих индивидуального подхода. А ведь медицинская помощь связана непосредственно с жизнью человека. Получается, ввиду разности медицинского обслуживания, и стоимость жизни людей также различна. Различается она и в межцивилизационном сравнении. На Земле существуют сегодня зоны как эпидемиологической безопасности, так и пораженные смертельными эпидемиями, так же как это было в средние века в эпоху «черной смерти» [14; 15; 20].

Казалось бы, с переходом к всеобщему среднему образованию в образовательной сфере устанавливаются принципы равенства. Демократическая школа заменяет школу сословную. Но в последнее время ревизия гуманистических принципов всеобщности и общедоступности образования обернулась новым социальным распадом национальных образовательных систем. Школы делятся на массовые — те, которые для всех, и элитарные. Программы обучения в них различаются. Различается и методика преподавания. Массовые школы учат навыкам, элитарные — готовят творца и мыслителя [1].

Но это проблема богатых сообществ. В странах же цивилизационной периферии — проблемы иного порядка: сохранение значительной доли населения, не имеющего навыков элементарного письма и чтения. По нескольким странам удельный вес неграмотных все еще составляет большинство.

Внедрение искусственного рейтингования университетов усиливает тенденцию неравенства и в системе высшего образования. Устанавливается перечень вузов, имеющих фактически статус вузов золотой молодежи. Для детей элиты приемлемым является обучение только в них. При этом есть вузы для элиты национальной и вузы для элиты мировой. Выпускники нетоповых вузов рассматриваются как люди второго сорта, и они фактически отрезаются из пула кадрового рекрутинга в элитогенезе.

Одной из последних среди возникающих исторически ниш неравенства является неравенство в доступе к экологичной среде. Деурбанизация предоставляет возможность для элиты покинуть задыхающиеся от смога города и поселиться в соответствующих зеленых анклавах. Но кто-то при этом вынужден жить вблизи мусорных объектов. Вывод индустриального производства из стран Запада в страны Азии и Латинской Америки выражает ту же тенденцию — обеспечение экологической безопасности богатых сообществ за счет отравления жизни сообществ с дешевой рабочей силой, в которые оказались перенесены опасные для окружающей среды инфраструктуры индустриального сектора [10].

Неравенство завтрашнего дня описывается многими футурологами как «цифровое неравенство» [24]. Развитие цифровых технологий является, безусловно,

мейнстримом технического прогресса. Но технический прогресс, если он не управляем в преломлении к социальной сфере, может оказаться и оказывался очень жестоким оружием. Переход к новой, более совершенной стадии технологического уклада ведет человечество вперед по пути материальных возможностей, но наносит удар по тем, кто был связан с прежним укладом и не смог (оказался неспособен) быстро перестроиться. Эта группа населения обрекается на то, чтобы оказаться в состоянии социального аутсайдерства которое прогнозируется и сегодня в связи с развитием цифровых технологий. Цифровые технологии уже сейчас стали основой доступа к ряду основополагающих для человека услуг, в то время как не менее трети взрослого населения в мире все еще не имеет постоянного доступа к Интернету и не владеет элементарными Интернет-технологиями. Как быть с этими людьми? Пока отношение к ним определяется, по сути, идеологией социал-дарвинизма — они не овладели необходимыми приемами и технологиями. Но уместен ли такой подход с позиции гуманистической морали?

Все эти проблемы могут и должны решаться на уровне международного сообщества в целом. Для их решений, собственно, и создавалась Организация Объединенных Наций. Путь решения предельно простой и очевидный — богатые страны обязуются оказывать помощь бедным странам. Почему они должны это делать? Дело в том, что богатство и бедность связаны друг с другом, и обогащение одних оказывается зачастую обеднением других. Согласно закону вселенского равновесия, когда в одном месте прибывает, то в другом, обязательно, убывает. Неравенство должно квалифицироваться в международном праве как порок и его преодоление должно являться императивной установкой как для национальных государств, так и мирового сообщества в целом. Но чтобы этот императив имел практические последствия, должны быть, соответственно, установлены критические многопараметровые пороги равенства. Превышение этих пороговых значений в том или ином регионе мира должно восприниматься как прецедент и служить для Организации Объединенных Наций предписывающим обстоятельством для чрезвычайных действий.

Необходимо от одномерного — экономического — перейти к многомерному пониманию природы человека. Рост ВВП, рассматриваемый сегодня как некий универсалий развития, когда кризис понимается как снижение динамики роста, является, в действительности, показателем достаточно поверхностным. «Рост ради роста, — как говорил Эдвард Эбби — сторонник перехода к экологическому сознанию человечества, — есть идеология раковой клетки». Действительно, и при росте ВВП может возрастать неравенство, если установлены несправедливые распределительные механизмы. И при высоком уровне ВВП ощущение счастья может минимизироваться, о чем, в частности, свидетельствуют значительные показатели коэффициента суицида в странах, считающихся материально благополучными. В качестве измерителя успешности следует, вероятно, перейти от показателей экономических (ВВП), к показателям, замеряемым социологически. Интегральным показателем должна стать степень удовлетворенности людей жизнью, их самоощущение.

Главный недостаток различных существующих в мире индексов страновой

успешности состоит в выстраивании его в соответствии с ценностными и ментальными установками определенного сообщества. Между тем для другого сообщества эти установки могут оказаться не столь очевидными и не столь актуальными. Один из типичных примеров такой культурной коннотации представляет именно валовой внутренний продукт. ВВП как показатель успешности соотносится с определенным типом организации общества, определенной экономической системой, что является, в действительности, частным случаем в истории мира. Это тип капиталистической экономики и современной производной от нее экономики посткапитализма, задающего финансовую рыночную эквивалентность всего производимого в обществе [16; 23].

Материальный рост далеко не во всех культурах рассматривается как безусловное благо. В ряде культурных традиций существовали, как известно, ограничители материального роста. Устанавливался принцип разумной потребности, меры в материальном потреблении. Добродетелью провозглашалось нестяжание. Для этих культурных традиций рост валового внутреннего продукта сам по себе вряд ли бы мог служить измерителем успешности.

Вместе с тем успешность могла пониматься по степени гармонизации социальных отношений. Праведным государством в сакральных преданиях разных народов воспринималось не государство материального изобилия, но государство добродетельных человеческих отношений, государство справедливости. Справедливость же связана с ощущением удовлетворенности человека, соотносением реальности с его представлениями о должном.

Валовой внутренний продукт не годится в полной мере даже для характеристики экономических потенциалов страны. Рассмотрим ряд примеров сбоя ВВП в качестве измерителя состояния экономики. Есть некая страна, экономика которой на сто процентов определяется укладом натурального хозяйства, в которой все производится не для продажи, а собственного потребления. ВВП такой страны будет равен нулю, хотя экономика реально существует и в силу своего существования не является нулевой. А вот — рабовладельческое хозяйство древнеегипетских фараонов: труд рабов не оплачивается, соответственно, дает нулевой вклад в ВВП Египта. С нулевым ВВП осуществлялось, в частности, строительство великих пирамид. Также с нулевым вкладом в валовой внутренний продукт осуществлялся труд крестьян в феодальном поместье. Коммунистический проект предполагал постепенное преодоление системы денежных отношений, что практически выражалось в развитии прямого товарного обмена, неэкономической мотивации труда. А соответственно, оперируя категорией валового внутреннего продукта нельзя было адекватно отразить и описать также и потенциалы экономики советского типа. Таким образом, ни для одной из альтернативных систем, помимо системы капиталистического хозяйствования, измеритель ВВП не является адекватно применимым.

Неприменим он, в действительности, и при межстрановых сравнениях состояния экономики в рамках условно капиталистического рынка. Труд учителя в США и в Намибии, будучи предположительно одинаковым по объему временных

затрат, выражается принципиально разной заработной платой. Получается, что вклад в ВВП американского учителя оказывается существенно больше вклада учителя намибийского при том, что объем затрачиваемого труда эквивалентен.

Как будто специально для критики валового внутреннего продукта был сочинен анекдот о двух путешественниках — молодом и старом. Старый дает молодому 25 тысяч долларов, если тот съестдохлую крысу на дороге. Молодой соглашается. Потом уже молодой делает старому такое же предложение и тот соглашается. Результат: ничего не произведено, а между тем ВВП увеличился на 50 тысяч долларов.

Все это вовсе не означает, что ВВП как величина измерения должна быть полностью изгнана из науки и управленческой практики. Речь идет о другом — о применении ее по прямому функциональному назначению. ВВП указывает на развитость в обществе товарно-денежных отношений, и в этом своем качестве измеритель вполне работающий. Но не следует выдавать его за универсалий, представлять в качестве эквивалента состояния экономики или тем более — эквивалента государственной и общественной успешности.

Сегодня идея измерения валового счастья не считается экзотической, рейтинг стран рассчитывается по индексу счастья. Однако при его расчете исходная идея о том, что счастье — категория нематериальная и не зависящая от материального благосостояния, оказывается вытеснена традиционным эконоцентристским подходом. Составляющими расчета выступают: удовлетворенность людей жизнью, ожидаемая продолжительность жизни, количество потребляемых природных ресурсов. В результате первую позицию в рейтинге самых счастливых стран заняла Финляндия [3]. Но вместе с тем, Финляндия имеет весьма высокий на мировом фоне показатель по уровню суицида. Возникает парадокс: в самой счастливой стране мира люди значительно чаще, чем в мире в целом, совершают самоубийство. Из такого диссонанса следует, что сама методология расчета оказывается неверна.

Еще лауреат нобелевской премии по экономике Саймон Кузнец, считающийся изобретателем показателя ВВП, предостерегал от его использования в качестве измерителя экономического благополучия или экономической мощи. Указывалось, что валовой внутренний продукт берет для расчета только денежные операции и, соответственно, измеряет не экономическую мощь, а развитость финансовых институтов. В СССР и странах социалистического блока рассчитывался валовый национальный доход, так как характеристика экономики через валовой внутренний продукт давала преимущество странам с рыночной капиталистической экономикой. Получалось, что сам показатель ВВП был контекстен определенной системе и не мог рассматриваться в качестве универсалия.

В настоящее время во главе критиков универсализации ВВП в оценках экономической и государственной успешности выступает другой нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц. Предпринимаются попытки разработки взамен ВВП некоего интегративного показателя, который был бы реальным измерителем экономической мощи. Такой проект получил, в частности, поддержку со стороны Николя Саркози. Однако до настоящего времени признаваемый бы экспертным

сообществом альтернативный ВВП измеритель экономики разработан не был [9].

Нужно очеловечить применяемые для диагностики мирового развития индикаторы успешности. В этом отношении более очеловеченным в сравнении с ВВП выглядит измеритель Индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), включающий в себя интегрированное рассмотрение таких показателей, как продолжительность жизни населения, уровень грамотности и ожидаемую продолжительность обучения. Но и он недостаточен, поскольку игнорирует многие другие параметры социального благополучия [6].

От институтов и институциональных средств необходимо вернуться к человеку, добиться очеловечивания системы мирового устройства. Не этот ли гуманистический пафос содержался исходно в марксизме, о двухсотлетии создателя которого нельзя не упомянуть в контексте обсуждаемых сегодня проблем. Маркс, как известно, начинал свою философскую рефлексию с обращения к проблеме отчуждения человека, декомпозировав ее на четыре составляющие: 1) отчуждение человека от процесса труда; 2) отчуждение человека от результатов труда; 3) отчуждение человека от других людей; 4) отчуждение человека от самого себя. Все обозначенные еще в сороковые годы девятнадцатого века проявления отчуждения сегодня в условиях постмодерна имеют особо острую актуализацию [4].

Отчуждение от процесса труда преломляется в настоящее время в восприятии труда как принуждения, широком распространении антитрудовой этики. Отчуждение от продукта труда выражается в установках консюмеризма, патологиях вещиизма. Отчуждение от других людей обостряется сегодня происходящим под воздействием экспансии Интернет-культуры фактическим социальным распадом. Отчуждение от человеческого в себе предельно актуализируется постмодернистскими инверсиями, эпатазирующими человека традиционного общества. И вновь, соответственно, в актуальной повестке, как и во времена генезиса марксизма, оказывается вопрос о рецептуре преодоления отчуждения. При ответе на этот вопрос следует, безусловно, учитывать и те ошибки, равно как и достижения, которые имели место при попытках его решения в истории.

Еще в 1972 году четвертым королем Бутана Джигме Сингье Вангчуком после вступления на престол было провозглашено введение вместо ВВП собственного национального измерителя успешности — Валового национального счастья. «Счастье народа, — заявлял король, — важнее процентов валового внутреннего продукта». Принятие этой философы практически означало поддержку традиционных ценностей сообщества — семьи, национальной культуры, религии, гармонического отношения человека с природой. Тогда, в 1972 году это было воспринято как курьез. Понятие Валового национального счастья оценивалось как экзотика полуизолированного горного государства. Но по прошествии почти столетия бутанская альтернатива не кажется уже чем-то абсурдным [26].

Человечество вошло в фазу предъявляемых ему жестоких вызовов расчеловечивания. Этот тренд задается в значительной мере ложными ценностными ориентирами и кумирами. Валовой внутренний продукт, ориентирующий национальные государства на гонку товарно-денежного обращения, ведущий на

практике к подмене экономии в ее аристотелевском понимании хрематистикой, является одной из такого рода ложных стратагем. Вернуться в выстраивании стратегии развития к самому человеку, к его потенциалу, ставить и решать задачу сделать человека счастливым — в этом и должна состоять подлинная альтернатива для мира будущего.

Литература

1. *Ашин Г. К.* Элитное образование // *Общественные науки и современность*. 2001. № 5. С. 82–99.
2. *Багдасарян В. Э.* Аксиология марксизма в контексте мировых исторических трендов // *Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки*. 2018 № 4. С. 9–23.
3. Всемирный индекс счастья // URL: <https://gtmarket.ru/ratings/happy-planet-index/info> (дата обращения 21 февраля 2019 года)
4. *Горозия В. Е.* Проблема отчуждения человека в учении Карла Маркса // *Человек. Государство. Глобализация*, Выпуск 3. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2005. С.98–117.
5. Доклад о неравенстве в мире. 2018. Основные положения. Русская версия. Нью-Йорк: Лаборатория неравенства в мире. 17 с.
6. Индекс развития человеческого потенциала URL: <https://gtmarket.ru/ratings/human-development-index/human-development-index-info> (дата обращения 221 февраля 2019 года).
7. *Кутырев В. А.* Унесенные прогрессом: эсхатология жизни в техногенном мире. СПб.: Алетейя, 2016. 300 с.
8. ООН — Хабитат. Право на достаточное жилье. Женева: Программа ООН по населенным пунктам, Швейцария, 2010. № 21. С. 1–65.
9. *Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П.* Неверно оценивая нашу жизнь: почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса., М.: Издательство Института Гайдара, 2016. 216 с.
10. *Стризоле А. Л.* Деурбанизация современного общества: природа, специфика, риски // *Социология и социальные технологии* // *Вестник волгоградского Государственного университета. Серия 7. Философия*. 2016. Т. 16. № 1. С. 64–72.
11. *Сэндел М.* Что нельзя купить за деньги. Моральные ограничения свободного рынка. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 256 с.
12. *Тойнби А. Дж.* Постигание истории. М.: Айрис Пресс, 2002. 640 с.
13. *Четверикова О. Н.* Диктатура «просвещенных»: Дух и цели трансгуманизма. М.: Геннадий Маркелов, 2018. 160 с.
14. *Щелканов М. Ю., Magassouba N'F., Voiro M. Y., Малеев В. В.* Причины развития эпидемии лихорадки Эбола в Западной Африке // *Лечащий врач*. 2014. № 11. С. 30–37.

15. *Щелканов М. Ю., Zoumanigui N., Voiro M. Ye., Малеев В. В.* Пять «мифов» о лихорадке Эбола: где кончается вымысел? // Русский медицинский журнал. 2015. № 2. С.58–65.
16. *Якунин В. И.* Аксиологический подход в теории экономического развития // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. № 2. С. 7–17.
17. Advance Uncorrected Proof edition, 2004. 320 p.
18. *Bryson M. C., McDill W.R.* The Political Spectrum: A Bi-Dimensional Approach // Rampart Journal of Individualist Thought. Larkspur, CO: Rampart College. 1968. № IV. P. 19–26.
19. *Hughes J.* Citizen Cyborg: Why Democratic Societies Must Respond to the Redesigned Human of the Future. Boulder, Colorado: Basic Books.
20. *Hunter P.* Inevitable or avoidable? Despite the lessons of history, the world is not yet ready to face the next great plague // EMBO Reports. 2007. № 8 (6). p. 531–534.
21. *Huntington S. P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New-York: Simon and Schuster, 1996. 368 p.
22. *Maddison A.* Contours of the World Economy 1–2030 AD: Essays in Macroeconomic History. Oxford University Press, 2007. 432 p.
23. *Mason P.* PostCapitalism: A Guide to our Future. L.: Allen Lane, 2015. 356 p.
24. *Norris P.* Digital divide: civic engagement, information poverty, and the Internet worldwide. New York: Cambridge University Press, 2001. 303 p.
25. *Ritchie H., Rose M.* Meat and Seafood Production & Consumption // URL: <https://ourworldindata.org/meat-and-seafood-production-consumption> (дата обращения 21 февраля 2019 года).
26. *Thinley L.J.Y.* Third Annual Report of Lyonchhen Jigmi Yoeser Thinley to the Seventh Session of the First Parliament on the State of the Nation // URL: https://www.cabinet.gov.bt/annual_report/Third%20annual%20nation%20Report.pdf (дата обращения 21 февраля 2019 года).
27. *Wallerstein I.* The Modern World-System, vol. I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. New York/London: Academic Press, 1974, 410 p.
28. *Wallerstein I.* The Modern World-System, vol. II: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750. New-York: Academic Press, 1980, 370 p.
29. *Wallerstein I.* The Modern World-System, vol. III: The Second Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730–1840's. San Diego: Academic Press, 1989, 397 p.
30. *Wallerstein I.* The Modern World-System. 3 volumes (New-York: Academic Press, 1974, 1980, 1988).
31. *Wallerstein I.* World-Systems Analysis: An Introduction. Durham and London: Duke University Press, 2004, 109 p.

References

1. Ashin G.K. Elite education. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and modernity], 2001, no. 5, pp. 82-99 (in Russian).
2. Bagdasaryan V.E. Axiology of Marxism in the context of world historical trends. *Vestnik MGOU* [MGOU Bulletin], *Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [History and Political Science], 2018, no. 4, pp. 9–23.
3. *Vsemirnyy indeks schastia* [World Index of Happiness]. Available at: <https://gtmarket.ru/ratings/happy-planet-index/info> (accesses February 21, 2019) (in Russian).
4. Gorozhiya V.E. The problem of alienation of man in the teachings of Karl Marx. *Chelovek. Gosudarstvo. Globalizatsiya* [Man. State. Globalization], issue 3, SPb.: Sankt-Peterburgskoye filosofskoye obshchestvo, 2005, pp. 98-117 (in Russian).
5. Doklad o neravenstve v mire. 2018. Osnovnyye polozheniya. Russkaya versiya [A report on inequality in the world. 2018. Fundamentals. Russian version], New-York: Laboratoriya neravenstva v mire, p. 17 (in Russian).
6. *Indeks razvitiya chelovecheskogo potentsiala* [Human development index]. Available at: <https://gtmarket.ru/ratings/human-development-index/human-development-index-info> (accesses: February 21, 2019) (in Russian).
7. Kutyrev V. A. *Unesennyye progressom: eskhatologiya zhizni v tekhnogennom mire* [Gone with the progress: the eschatology of living in a technological world], SPb.: Aleteyya, 2016, p. 300 (in Russian).
8. UN-habitat. The right to adequate housing. Geneva: United Nations human settlements Programme. Switzerland, 2010, no. 21, pp. 1–65.
9. Stiglits D., Sen A., Fitussi Zh.-P. *Neverno otsenivaya nashu zhizn: pochemu VVP ne imeyet smysla? Doklad Komissii po izmereniyu effektivnosti ekonomiki i sotsialnogo progressa* [Incorrectly assessing our lives: why GDP doesn't make sense? Report of the Commission on measuring economic performance and social progress], M.: Izdatelstvo Instituta Gaydara, 2016, p. 216 (in Russian).
10. Strizole A.L. Urbanization of modern society: nature, specificity, risks // Sociology and social technologies. *Sotsiologiya i sotsialnyye tekhnologii* [Sociology and social technologies], *Vestnik volgogradskogo Gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Volgograd state University], episode 7, Philosophy, 2016, vol. 16, no. 1, pp. 64-72 (in Russian).
11. Sendel M. *Chto nelzya kupit za dengi. Moralnyye ogranicheniya svobodnogo rynka* [What money can't buy. Moral limitations of the free market], M.: Mann. Ivanov and Ferber, 2018. 256 s.
12. Toynti A. *Dzh. Postizheniye istorii* [Study of History], M.: Ayris Press, 2002, p. 640 (in Russian).
13. Chetverikova O.N. *Diktatura «prosveshchennykh»: Dukh i tseli transgumanizma* [Dictatorship of the “enlightened”: Spirit and goals of transhumanism], M.: Gennadiy Markelov, 2018, p. 160 (in Russian).
14. Shchelkanov M.Yu. Magassouba N’F. Boiro M.Y. Maleyev V.V. Prichiny razvitiya epidemii likhoradki Ebola v Zapadnoy Afrike // *Lechashchiy vrach*. 2014. № 11. S. 30–37.

15. Shchelkanov M.Yu. Zoumanigui N. Boiro M.Ye. Maleyev V.V Five “myths” about Ebola: where does fiction end? *Russkiy meditsinskiy zhurnal* [Russian medical journal], 2015, no. 2, pp. 58–65 (in Russian).
16. Yakunin V.I. Axiological approach in the theory of economic development *ETAP: Ekonomicheskaya Teoriya, Analiz, Praktika* [ETAP: Economic Theory, Analysis, Practice], no. 2, pp. 7–17 (in Russian).
17. Advance Uncorrected Proof edition, 2004. 320 p.
18. Bryson M.C., McDill W.R. The Political Spectrum: A Bi-Dimensional Approach. *Rampart Journal of Individualist Thought*. Larkspur, CO: Rampart College. 1968, no. IV, pp. 19–26.
19. Hughes J. *Citizen Cyborg: Why Democratic Societies Must Respond to the Redesigned Human of the Future*. Boulder, Colorado: Basic Books.
20. Hunter P. Inevitable or avoidable? Despite the lessons of history, the world is not yet ready to face the next great plague. *EMBO Reports*, 2007, no. 8 (6), pp. 531–534.
21. Huntington S.P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New-York: Simon and Schuster, 1996. 368 p.
22. Maddison A. *Contours of the World Economy 1-2030 AD: Essays in Macro-Economic History*. Oxford University Press, 2007. 432 p.
23. Mason P. *PostCapitalism: A Guide to our Future*. L.: Allen Lane, 2015. 356 p.
24. Norris P. *Digital divide: civic engagement, information poverty, and the Internet worldwide*. New York: Cambridge University Press, 2001. 303 p.
25. Ritchie H., Rose M. *Meat and Seafood Production & Consumption*. Available at: <https://ourworldindata.org/meat-and-seafood-production-consumption> (accesses February 21, 2019)
26. Thinley L.J.Y. Third Annual Report of Lyonchhen Jigmi Yoeser Thinley to the Seventh Session of the First Parliament on the State of the Nation. Available at: https://www.cabinet.gov.bt/annual_report/Third%20annual%20nation%20Report.pdf (accesses February 21, 2019).
27. Wallerstein I. *The Modern World-System, vol. I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. New-York/London: Academic Press, 1974, 410 p
28. Wallerstein I. *The Modern World-System, vol. II: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600-1750*. New-York: Academic Press, 1980, 370 p.
29. Wallerstein I. *The Modern World-System, vol. III: The Second Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730-1840's*. San Diego: Academic Press, 1989, 397 p.
30. Wallerstein I. *The Modern World-System*. 3 volumes (New-York: Academic Press, 1974, 1980, 1988).
31. Wallerstein I. *World-Systems Analysis: An Introduction*. Durham and London: Duke University Press, 2004, 109 p.